

АВТОБИОГРАФИЯ
МЭТТЮ ПЕРРИ

предисловие
Лизы Кудроу

18+

Друзья, любимые и одна
большая ужасная вещь

Вселенная Friends/Друзья

Мэттью Перри

**Друзья, любимые и одна большая
ужасная вещь. Автобиография**

«ЭКСМО»

2022

УДК 791:929(71)

ББК 85.374(3)-8

Перри М.

Друзья, любимые и одна большая ужасная вещь. Автобиография / М. Перри — «Эксмо», 2022 — (Вселенная Friends/Друзья)

ISBN 978-5-04-192632-8

«Я знала, что он пережил невероятные страдания, но понятия не имела о том, сколько раз он стоял на грани жизни и смерти. Я рада, что ты с нами, Мэтти. Желаю тебе добра. Я тебя люблю». – Лиза Кудроу Смешной, добрый, уморительный, остроумный. Именно таким знает весь мир Мэттью Перри и его героя из сериала «Друзья» Чендлера Бинга. Своими шутками он может довести до слез, одной фразой он может разрядить обстановку или нелепо, но эффектно грохнуться на пол. Шутник, комик и балагур. Но мало кто знает другого Мэттью. Того, кто много лет страдал от алкогольной и наркотической зависимостей, того, кто корчился и выл от боли, рыдал навзрыд и стыдился взглянуть в глаза своим близким. Месяцы, проведенные на больничной койке, кома, тяжелая реабилитация, годы в забвении и борьбе с самим собой...

Эта книга – подлинная и откровенная история настоящего Мэттью Перри. Пронзительная исповедь и признание во всех грехах. Да, он совершал ошибки в жизни. Но единственное, что он делал в своей жизни правильно – никогда не сдавался и не опускал руки. Он расскажет обо всем: о съемках «Друзей», романе с Джулией Робертс, о своей болезни, о годах забвения и надежде на будущее. Несмотря на всё пережитое, Мэттью все еще полон оптимизма и до сих пор искрометно шутит и не перестает улыбаться. Сохранен издательский макет.

УДК 791:929(71)

ББК 85.374(3)-8

ISBN 978-5-04-192632-8

© Перри М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Лиза Кудроу. Предисловие	7
Пролог	8
1. Вид из окна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мэттью Перри Друзья, любимые и одна большая ужасная вещь. Автобиография

Всем страждущим там. Ты знаешь, кто ты есть.

Лучший выход – прямо, сквозь все препоны.
Роберт Фрост

Просто помоги мне прожить следующий день.
Джеймс Тейлор

FRIENDS, LOVERS AND THE BIG TERRIBLE THING

Matthew Perry

FRIENDS, LOVERS AND THE BIG TERRIBLE THING

Text Copyright © 2022 by Matthew Perry

Published by arrangement with Flatiron Books. All rights reserved.

© Евгений Кручина, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Лиза Кудроу. Предисловие

– А как дела у Мэттью Перри?

Прошло много лет с тех пор, как мне впервые задали этот вопрос; были времена, когда этот вопрос мне задавали чаще других. И я понимаю, почему так много людей спрашивали именно об этом: они любят Мэттью и хотят, чтобы у него все было хорошо. Я тоже этого хочу. Но меня всегда раздражали подобные вопросы представителей прессы, потому что я не могла им ответить так, как хотела: «Слушайте, это его история, и я не имею права о ней рассказывать, не так ли?» А еще мне хотелось сказать: «Тут речь идет о вещах очень личных, интимных, и если вам о них рассказывает не сам человек, то, на мой взгляд, это будут сплетни, а я не желаю сплетничать с вами о Мэттью». Но, понимая, что, отмалчиваясь, я могу причинить Мэттью еще больший вред, я иногда говорила просто: «Думаю, у него все хорошо». По крайней мере, такой ответ не привлекал лишнего внимания к Мэттью и, возможно, давал ему еще немного уединения – а оно было ему очень нужно для того, чтобы справиться с болезнью. Правда, говоря начистоту, я не была уверена в том, что с Мэттью все в порядке. В своей книге он расскажет вам о том, почему держал все это в секрете. Ему потребовалось некоторое время, чтобы почувствовать себя достаточно комфортно и рассказать нам о том, через что ему пришлось пройти. На самом деле, за все эти годы я ни разу не пыталась откровенно поговорить с ним и вообще не вмешивалась в его дела. То небольшое, что я знала о его зависимости, – это то, что не в моей власти сделать его трезвенником. И все же иногда я размышляла о том, правильно ли поступаю, когда ничего не предпринимаю. Вскоре я поняла, что его болезнь постоянно подпитывала себя, и значит, определенно будет продолжаться.

И тогда я просто сосредоточилась на воспоминаниях о Мэттью, человеке, который умел смешить меня до колик каждый день, а раз в неделю доводил меня до слез так, что у меня перехватывало дыхание. Я вспоминала того Мэттью Перри, который был очень умен, обаятелен, мил, чувствителен, и при этом очень рассудителен и рационален. И этот парень вместе со всем тем, с чем он боролся, снова находился рядом со мной. Это снова был тот самый Мэттью, который в самом начале работы смог поднять нас всех после изнурительной ночной съемки сцены у фонтана, которая стала фоном заставки сериала. «Что-то я уже не могу вспомнить того времени, когда меня не было в фонтане! Мы что, всегда были мокрыми?» (Именно благодаря Мэттью во вступительных титрах мы все сидим в этом фонтане и смеемся.)

После окончания съемок «Друзей» мы редко встречались с Мэттью, и я не могла даже предположить, как он себя чувствует.

Из этой книги я впервые узнала о том, каково это – сражаться с такой зависимостью и суметь выжить. Конечно, Мэттью кое-что рассказывал мне, но не в таких деталях. Теперь он впускает всех нас в свою голову и свою душу и рассказывает о своей жизни – откровенно и во всех подробностях. Наконец настал тот момент, когда никому не нужно спрашивать ни меня, ни кого-либо еще о том, как обстоят дела у Мэттью Перри. Он сам вам об этом расскажет.

Я знала, что он пережил невероятные страдания, но понятия не имела о том, сколько раз он стоял на грани жизни и смерти. Я рада, что ты с нами, Мэтти. Желаю тебе добра. Я тебя люблю.

Лиза

Пролог

Привет! Меня зовут Мэттью, хотя вы можете знать меня под другим именем. Друзья зовут меня Мэтти.

Вообще-то, я уже должен был умереть.

И, если хотите, можете считать то, что собираетесь прочесть, моим посланием из потустороннего мира...

Шел Седьмой день Боли. Под Болью я подразумеваю не боль от удара молотком по пальцу или от просмотра фильма «Девять ярдов 2». Я пишу слово «боль» с большой буквы, потому что это была самая ужасная Боль, которую я когда-либо испытывал; это был платоновский идеал боли, ее эталон. Считается, что самая страшная боль – это боль при родах. Так вот, это была самая ужасная боль, какую можно себе представить, с той лишь разницей, что в конце ты не испытываешь радости оттого, что держишь на руках новорожденного.

Да, наверное, это был Седьмой день Боли, но также и Десятый день Неподвижности... Если вы понимаете, о чем я... А я вот о чем: за десять дней из меня не вышло ни грамма дерьма. Что-то пошло не так, совсем не так... Это не была тупая пульсирующая боль, похожая на головную; это была даже не пронзительная колющая боль, как при панкреатите (а он у меня был, когда мне было тридцать). Это была совсем другая Боль. Мне казалось, что меня вот-вот разорвет и что мои внутренности пытаются вырваться наружу. От этой Боли так просто не отмахнешься.

А еще – звуки. Боже мой, какие звуки! Обычно я веду себя как довольно тихий, замкнутый парень. Но этой ночью я орал во все горло. Иногда по ночам, когда на Голливудских холмах все машины уже припаркованы на ночь, а ветер дует с определенного направления, можно услышать ужасающие вопли: это койоты заживо рвут кого-то на части. Сначала, правда, кажется, что это где-то далеко звучит детский смех, но потом ты понимаешь: это предсмертные крики. Но, конечно, хуже всего тот момент, когда крики прекращаются и ты понимаешь, что тот, на кого напали койоты, уже мертв. Это ад...

И да, ад существует. Не верьте тому, кто скажет, что ада нет. Я сам там побывал. Ад есть – и точка!

В ту ночь животным, которого рвали на части, был я. Я кричал и кричал, потому что изо всех сил боролся за жизнь. Молчание означало конец. И я не знал, насколько был близок к концу.

В то время я жил в доме для «завязавших» где-то в Южной Калифорнии. Не удивляйтесь – я полжизни прожил в разных реабилитационных центрах и отрезвиловках. Прекрасно, когда тебе при этом двадцать четыре года, хуже – когда сорок два. А мне уже было сорок девять, и я никак не мог избавиться от вредной привычки – вцепившейся в меня зависимости.

К этому времени я знал о наркомании и алкоголизме больше, чем любой из коучей и большинство врачей, которых я встречал в этих учреждениях. К сожалению, такое знание ничего человеку не дает. Если бы счастливый билет до трезвости можно было получить тяжким трудом или сбором информации, то пьянство быстро стало бы легким, хотя и неприятным воспоминанием. Я же для того, чтобы просто выжить, превратился в профессионального пациента... Не буду ничего приукрашивать: в свои сорок девять лет я все еще боялся оставаться один. Оставшись в одиночестве, мой безумный мозг (кстати, он безумен только в этой области) всегда найдет какой-нибудь предлог для того, чтобы нарушить запрет и выпить алкоголь или принять наркотики. Помня о том, что несколько десятилетий моей жизни были разрушены этим занятием, я боюсь, что это повторится. Мне не страшно выступать перед двадцатью тысячами человек, но посадите меня одного на диван перед телевизором, оставьте на ночь, и мне станет страшно. Этот страх исходит от меня самого; я боюсь собственных мыслей; я боюсь, что мой

разум побудит меня обратиться к наркотикам, как это уже бывало много-много раз. Мой разум хочет убить меня, и я знаю это. Я все время охвачен затаившимися одиночеством и тоской, я все время цепляюсь за мысль о том, что меня исправит что-то, пришедшее извне. Да у меня уже было все, что могло бы меня исправить, но...

Моя девушка – сама Джулия Робертс! *Вот за это надо выпить!*

Я только что купил дом своей мечты! Из него виден весь город! *Да какая же это радость без наркодилера!*

Я зашибаю миллион баксов в неделю! Я самый крутой, верно? *А выпить не хочешь? Почему бы и нет, в конце концов? Большое спасибо!*

А ведь у меня все это было. И я всегда находил себе оправдание и ничего не собирался исправлять. Пройдут годы, прежде чем я пойму, что мне нужно делать. Пожалуйста, поймите меня правильно. Все это было прекрасно – и Джулия, и дом мечты, и миллион долларов в неделю, и я буду вечно благодарен судьбе за все эти подарки. Я один из самых счастливых людей на этой планете. Ребята, тогда я славно повеселился!

Однако все эти события не дают ответа на главный вопрос: мог ли я поступить иначе? Что было бы, если бы мне пришлось прожить жизнь заново? Пошел бы я на прослушивание в сериал «Друзья»? Я уверен, что пошел бы. Стал бы я снова пить? Уверен, что стал бы. Если бы не было алкоголя, который успокаивал мои нервы и помогал мне развлекаться, то я бы уже в двадцать лет прыгнул вниз с какого-нибудь небоскреба. Правда, мой дедушка, замечательный Элтон Л. Перри, рос в семье алкоголика, но ни разу в жизни не притронулся к выпивке. Ни разу за все эти долгие и прекрасные девяносто шесть лет!

Но я не мой дедушка.

Я пишу все это не для того, чтобы кто-то меня пожалел; я пишу эти слова, потому что в них правда.

Я пишу это для тех, кого смущает тот факт, что они знают: нужно бросить пить. Как и у меня, у них есть вся информация на этот счет, они понимают, какие будут последствия, – и все равно не могут бросить пить. Вы не одиноки, мои братья и сестры. (Когда для словаря требуется иллюстрация к слову «зависимый», то ее вполне может заменить фотография очень растерянного человека, который постоянно озирается вокруг. Моя фотография.)

Из моей палаты реабилитационного центра в Южной Калифорнии открывался прекрасный вид на Западный Лос-Анджелес. Здесь стояли две двуспальные кровати размера queen size¹. Вторая кровать предназначалась для моей помощницы и лучшей подруги Эрин, лесбиянки, дружбу с которой я очень ценю, потому что она приносит мне радость общения с женщиной без романтического напряжения, которое разрушало мои дружеские отношения с другими женщинами (я уж не говорю о том, что с Эрин можно поболтать о знойных красотках). Я познакомился с Эрин два года тому назад в другом реабилитационном центре, где она тогда работала.

Я тогда не просыхал, но тем не менее сумел разглядеть, какая это замечательная во всех отношениях женщина, тут же увел ее из реабилитационного центра и сделал своей помощницей. Потом она стала моей лучшей подругой. Эрин тоже понимала природу моей зависимости и знала о борьбе с ней больше, чем любой из врачей, с которыми я имел дело.

Несмотря на утешение, которое принесла мне Эрин, в Южной Калифорнии я провел много бессонных ночей. Сон для меня – это настоящая проблема, особенно когда я нахожусь в одном из таких заведений. Думаю, за всю свою жизнь я ни разу не спал больше четырех часов подряд. Не сильно помогало и то, что тогда мы смотрели только документальные фильмы о

¹ Queen size – так называются двуспальные кровати больших размеров, ширина которых составляет от 160 до 180 см. – Прим. ред.

тюрьмах. При этом я так «загружался» ксанаксом², а мой мозг поджаривался до такой степени, что я был убежден: я и есть настоящий заключенный, а трезвая жизнь – это настоящая тюрьма. У меня был знакомый психиатр, который постоянно повторял: «Реальность – это приобретенный вкус». Так вот, к тому времени я потерял и вкус, и запах реальности. Можно сказать, что у меня было ковидное восприятие; я постоянно находился в полном отрыве от реальности.

От реальности – но не от Боли; как раз Боль была настолько сильной, что я бросил курить. А если бы вы знали, как много я курил, то поняли бы, что это был верный признак того, что что-то очень серьезное идет не так. Один из сотрудников центра с бейджиком, на котором было написано имя этого придурка, предложил мне принять ванну с английской солью, чтобы «смягчить дискомфорт». Как оказалось, это примерно то же самое, что накладывать лейкопластырь на раны, полученные в ДТП; в воде Боль не только не уменьшилась, но и обрела новые краски. Но, как мы помним, «реальность – это дело вкуса», и именно поэтому я покорно принял ванну с английской солью.

Теперь я сидел голый, погруженный в Боль и выл, как собака, которую рвут в клочья койоты. Эрин меня услышала – впрочем, в этом не было ничего удивительного; я орал так, что меня, наверное, можно было услышать и в Сан-Диего. Так или иначе, она появилась в дверях ванной и, глядя сверху вниз на мое жалкое голое тельце, скорченное от Боли, произнесла очень простые слова: «Ты хочешь лечь в больницу?»

Раз Эрин решила, что дела мои настолько плохи, что надо ехать в больницу, то, значит, дело действительно обстояло именно так. К тому же она уже заметила, что я не курю.

– По-моему, это чертовски хорошая идея, – простонал я в промежутке между завываниями.

Эрин помогла мне выбраться из ванны и вытерла меня. Я начал одеваться как раз в тот момент, когда в дверях появилась мой медицинский куратор – наверное, ее встревожило убийство собаки в подведомственном ей помещении.

– Я отвезу его в больницу, – сказала Эрин.

Куратор Кэтрин была красивой блондинкой. Получилось так, что прямо по прибытии в центр я сделал ей предложение руки и сердца, в силу чего она, скорее всего, не была моей самой большой поклонницей. (Я не шучу: когда мы приехали, я был настолько не в себе, что сначала попросил ее выйти за меня замуж, а уж потом грохнулся с лестницы.)

– Да он просто ищет наркотики, – обратилась Кэтрин к Эрин, пока я продолжал одеваться. – Он будет выпрашивать их в больнице.

«Да, похоже, наша свадьба не состоится», – подумал я.

К этому времени мой вой дошел до других сотрудников, и они поняли, что либо пол в ванной уже завален собачьими внутренностями, либо кто-то испытывает настоящую Боль. К этому моменту к стоявшей в дверях Кэтрин присоединился старший куратор Чарльз (думаю, отец у него был манекенщиком, а мать – бездомной). Теперь Чарльз и Кэтрин вдвоем пытались заблокировать нам выход.

Заблокировать выход? Нам что, по двенадцать лет?

– Это наш пациент, – произнесла Кэтрин. – Вы не имеете права его забирать.

– Я хорошо знаю Мэтти, – настаивала Эрин. – Он не будет пытаться достать наркотики.

Затем Эрин повернулась ко мне:

– Тебе ведь нужно в больницу, Мэтти?

Я в ответ кивнул и еще немного поорал.

– Забираю его, – сказала Эрин.

² Ксанакс – торговое название алпрозолама, препарата из класса бензодиазепинов. Он применяется для лечения тревожных расстройств и панических атак. Ксанакс (Ханах) является одним из наиболее распространенных препаратов для снижения тревоги и устранения панических симптомов. – *Прим. ред.*

Каким-то образом мы протиснулись мимо Кэтрин и Чарльза и выбрались из здания на парковку. Я говорю «каким-то образом» не потому, что Кэтрин и Чарльз подняли много шума, чтобы остановить нас, а потому, что каждый раз, когда мои ноги касались земли, Боль становилась еще более мучительной.

А там, в небе, с презрением глядя на меня, не обращая никакого внимания на мою агонию, висел ярко-желтый шар.

«А это еще что такое? – подумал я, прорываясь сквозь пароксизмы агонии. – А, это солнце... И действительно... Давненько я его не видел...»

– У нас тут известная персона с сильными болями в области живота, – сказала Эрин в свой телефон, открывая машину. Машины – это глупые бытовые предметы, но только до тех пор, пока их не разрешают водить, и тогда они становятся волшебными шкатулками свободы и знаками успешной прошлой жизни. Эрин затащила меня на пассажирское сиденье, и я лег на спину. Живот тут же скрутило. Наверное, это агония...

Эрин села за руль, повернулась ко мне и сказала:

– Ты хочешь поскорей туда добраться или мы будем объезжать все выбоины Лос-Анджелеса?

– Женщина! Да гони же! – прокричал я.

К этому времени Чарльз и Кэтрин решили, что костями лягут, но не дадут нам выехать с территории центра. Теперь они стояли прямо перед машиной, полностью блокируя нам выезд. Чарльз поднял руки и направил их ладонями к нам, как бы говоря: «Нет!» Но неужели авто массой в полторы тонны можно остановить силой его перчаток?

Но были вещи и похуже: Эрин не могла завести машину. Зажигание запускается через громкую *голосовую* команду «Старт!». Я сам так делал на съемках «Друзей». Здесь этого сделать не удавалось, и потому и машина, и район Палмс по-прежнему не трогались с места. И как только Эрин поняла, как можно завести эту чертову штуковину, ей оставалось только одно: она завела двигатель, нажала на газ, и машина резко взлетела вверх, на бордюр. Только от одного этого толчка, пронизавшего все мое тело, я чуть не умер на месте. Поставив два колеса на бордюр, Эрин промчалась мимо Кэтрин и Чарльза и вылетела на улицу. К счастью, они просто стояли и смотрели, как мы уезжаем, хотя к этому моменту я уже смог убедить ее переехать прямо через них. Неспособность перестать кричать – это очень страшное состояние.

Если все это я проделал только для того, чтобы достать наркотики, то я явно заслуживал «Оскара»!

– Ты что, специально целишься в лежачих полицейских? Не знаю, заметила ли ты, но мне что-то совсем плохо. Чуть помедленнее! – умолял я ее. У нас обоих по щекам текли слезы.

– Нет, надо быстрее! – прокричала Эрин. Ее карие глаза смотрели на меня со страданием, беспокойством и страхом. – Нужно доставить тебя туда как можно быстрее!

В этот момент я потерял сознание. (Кстати, 10 баллов по болевой шкале – это как раз потеря сознания.)

[Внимание: в течение нескольких следующих абзацев эта книга будет скорее биографией, чем мемуарами, потому что я в данный период на этом свете отсутствовал.]

Ближе всего к реабилитационному центру находилась больница Святого Иоанна. Поскольку Эрин предусмотрительно позвонила заранее и предупредила, что к ним едет какая-то VIP-персона, нас встречали прямо у проходной. В то время Эрин подозревала, что я очень серьезно болен, и очень беспокоилась о моей личной жизни. Но врачи поняли, что дело серьезное, и срочно отправили меня прямо в процедурный кабинет. И там все услышали, как я сказал: «Эрин, а зачем на диване лежат шарики для пинг-понга?»

* * *

На самом деле в кабинете не было ни дивана, ни шариков для пинг-понга – это просто я погрузился в состояние бреда. (Я не знал, что боль может вызывать бред, но все оказалось именно так.) Затем мне в мозг ударил дилаудид³ (лично я считаю его лучшим из лекарств и наркотиков в этом диком мире), и я ненадолго пришел в сознание.

Врачи сообщили, что мне срочно нужна операция... и вдруг ко мне в палату ворвались все медсестры, которые только были в штате Калифорния. Одна из них повернулась к Эрин и отчетливо сказала: «Готовимся бежать!» Эрин оказалась готова к такому повороту событий, и мы все вместе побежали – ну, или точнее, они побежали, а меня на большой скорости повезли в операционную. Эрин попросили уйти оттуда всего через несколько секунд после того, как я сказал ей: «Пожалуйста, не уходи...» Потом я закрыл глаза, и они не открывались в течение двух недель...

Да, вы правы, дамы и господа: я оказался в коме! (А куда, интересно, подевались те уроды из рехаба, которые пытались остановить нашу машину?)

Первое, что произошло, когда я впал в кому и стал дышать через трубку, – так это то, что блевотина, накопившаяся во мне за десять дней, попала прямо в легкие. Легким это не очень понравилось – фактически они у меня мгновенно воспалились. А после этого у меня произошел разрыв толстой кишки. Повторяю для тех, кто не догнал: толстая кишка у меня лопнула! Конечно, меня и раньше не раз обвиняли в том, что я полон дерьма, но на этот раз это была истинная правда.

И я очень рад, что доказательств этого я не увидел.

В тот момент я был почти уверен, что умру. Что это было? Мне не повезло, что произошел разрыв толстой кишки? Или наоборот – мне повезло, потому что это произошло в той единственной палате Южной Калифорнии, где с этим можно было хоть что-то сделать? В любом случае теперь мне предстояла семичасовая операция, которая, по крайней мере, давала всем моим близким достаточно времени, чтобы добраться до больницы. И каждому из тех, кто добирался до больницы, врачи сообщали: «У Мэттью есть шанс пережить эту ночь. Два процента».

Все люди так волновались, что некоторые из них падали в обморок прямо в вестибюле больницы. Увы, мне придется прожить остаток своих дней, зная, что в числе прочих свидетелей эти слова слышала и моя мать...

Я пролежал в операционной минимум семь часов, будучи уверенным в том, что больница сделала все возможное, чтобы моя семья и мои друзья отправились домой на ночь, чтобы немного отдохнуть, пока подсознание боролось за мою жизнь среди скальпелей, трубок и крови.

Спойлер: я пережил эту ночь. Но худшее было впереди. Моей семье и друзьям сказали: единственное, что может на какое-то время продлить мне жизнь, – это аппарат экстракорпоральной мембранной оксигенации / Процедуру ЭКМО часто называют «Аве Мария», имея в виду, что это последняя отчаянная попытка спасти человеку жизнь. Достаточно сказать, что за ту неделю в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе было переведено на ЭКМО четыре пациента, и все они умерли.

Еще больше усложняло ситуацию то, что в больнице Святого Иоанна не было аппарата ЭКМО. Тогда мои врачи позвонили в Седарс-Синайский медицинский центр. Наверное, там

³ Гидроморфон – наркотическое вещество класса опиоидов, производное морфина. Известен также как дигидроморфинон и продаваемый, в частности, под торговой маркой Dilaudid, используется для лечения умеренной и сильной боли. Как правило, длительное применение рекомендуется только при болях, вызванных онкологией. – *Прим. ред.*

посмотрели на мою медицинскую карту и сказали: «Мэттью Перри не будет умирать в нашей больнице!»

Спасибо вам, ребята!

Больница Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) тоже не хотела меня брать. По той же причине или нет – кто знает. Но, по крайней мере, они были готовы прислать сюда аппарат ЭКМО и бригаду врачей. Меня на несколько часов подключили к аппарату – и похоже, это сработало! Затем на машине скорой помощи в окружении множества врачей и медсестер меня перевезли в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. (Я мог не пережить пятнадцатиминутную поездку на машине, особенно если бы ее вели так, как это делала Эрин.)

В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе меня доставили в отделение интенсивной терапии сердца и легких и поместили в палату реанимации. На следующие шесть недель она стала моим домом. Я все еще находился в коме, но, похоже, мне это нравилось. Я лежал весь обмотанный бинтами, и в меня закачивали лекарства – что может быть лучше?

Как мне потом рассказывали, все то время, пока я был в коме, я ни на секунду не оставался в одиночестве – в палате всегда был кто-то из семьи или друзей. Они устраивали бдения при свечах, обходили меня с молитвами – словом, они окружали меня любовью.

И в конце концов мои глаза волшебным образом открылись.

[Возвращаюсь к мемуарам.]

Когда я очнулся, то увидел маму.

– Что тут творится? – прохрипел я. – Где я, черт возьми?

Последнее, что я помнил, – мы с Эрин едем в машине.

– У тебя разрыв толстой кишки, – сказала мама.

Получив эту информацию, я сделал то, что сделал бы на моем месте любой комедийный актер: я закатил глаза и снова погрузился в сон.

* * *

Мне рассказывали, что когда кто-то по-настоящему болен, то с ним происходит что-то вроде разрыва связи – срабатывает принцип типа «Бог дает тебе только то, с чем ты можешь справиться». Еще в течение нескольких недель после того, как я вышел из комы, я запрещал людям рассказывать, что именно со мной произошло. Я очень боялся, что это моя вина; что я сам навлек на себя все эти напасти. Поэтому, вместо того чтобы обсуждать эту тему, я сделал то, что, как мне казалось, должен был сделать: дни, проведенные в больнице, я посвятил семье, проводя многие часы в беседах с моими замечательными, забавными и заботливыми сестрами Эмили, Марией и Мэделин. По ночам их сменяла Эрин, так что я никогда не оставался в одиночестве.

Но однажды Мария – центральная фигура в семье Перри (как моя мама – в семье Моррисон) – решила, что пришло время рассказать мне о том, что произошло. Когда она вводила меня в курс дела, я был по-прежнему прикован к постели и опутан пятью десятками проводов, словно робот. Мои опасения оказались не напрасными: в том, что случилось, была моя вина.

Я заплакал. О боже, как я плакал! Мария изо всех сил старалась меня успокоить, но я был безутешен. Я готов был себя убить. Я никогда не был тусовщиком, а все наркотики (а их было много) принимал в пустых попытках почувствовать себя более уверенно. Поверьте мне! Да, я пытался чувствовать себя увереннее – и так дошел до порога смерти. И все же я остался здесь, я все еще живой. Почему? Почему меня пощадили?

Как известно, прежде чем дела налаживаются, они идут хуже некуда. Так было и в моем случае.

Мне казалось, что все врачи, которые каждое утро приходили ко мне в палату, делали это исключительно для того, чтобы сообщать мне плохие новости. Если что-то где-то могло

пойти не так, то так оно и было. У меня уже стоял калоприемник; правда, мне сказали, что потом его можно будет убрать – и на том спасибо. Но теперь, кажется, у меня образовался свищ, дыра где-то в кишечнике. Проблема состояла в том, что врачи никак не могли найти его. Чтобы помочь решению этой задачи, мне дали еще один приемник, в который просачивалась мерзкая зеленая гадость. Наличие нового мешочка означало, что мне не разрешали ничего есть и пить – и это должно было продолжаться до тех пор, пока врачи не найдут этот чертов свищ. В результате они снова и снова день за днем искали его, а я начал умирать от жажды. Я выпрашивал себе диетической колы, мне прямо грезилась гигантская банка диетического спрайта. После целого месяца – месяца! – исследований свищ в конце концов обнаружили в какой-то кишке, скрывавшейся за толстой кишкой. А я все это время думал: «Эй, ребята, вы все время ищите дыру в моем кишечнике. А почему бы не начать искать ту хреновину, которая у меня там ВЗОРВАЛАСЬ?» Теперь, когда дырка была найдена, они начали ее латать, а я стал снова учиться ходить.

Я понял, что возвращаюсь к жизни, когда обнаружил, что с интересом поглядываю на женщину-терапевта, которую мне назначили. Правда, у меня остался гигантский шрам на животе... но я никогда не был тем парнем, который часто снимает рубашку. В конце концов, я ведь не Мэттью МакКонахи... А когда я принимаю душ, то просто закрываю глаза.

* * *

Как я уже говорил, за все время пребывания в этих больницах я ни разу не оставался один. Ни разу! И я понял, что в любой тьме есть свет. Да, он есть, нужно только хорошенько его поискать.

Меня выпустили только после пяти очень долгих месяцев пребывания в больнице. Мне сказали, что в течение года все внутри меня достаточно основательно заживет, и тогда мне можно будет сделать еще одну операцию по удалению калоприемника. А пока мы упаковали мои сумки с бельем, накопившимися за пять месяцев пребывания в больнице, и отправились домой.

Ну а еще я стал Бэтменом.

1. Вид из окна

Никто никогда не думает, что с ним может случиться что-то по-настоящему плохое, пока это не произойдет. С другой стороны, никто не возвращался к жизни после перфорации кишечника, аспирационной пневмонии⁴ и аппарата ЭКМО – пока кто-то наконец этого не сделал.

И этот кто-то был я.

Я пишу эти строки в арендованном доме с видом на Тихий океан. (Мой настоящий дом находится чуть дальше по улице. Сейчас он на ремонте – говорят, это займет полгода, так что я рассчитываю на год.) Пара краснохвостых сарычей кружит подо мною в каньоне, который тянется от района Пасифик-Палисейдс до самой воды. В Лос-Анджелесе стоит великолепный весенний день. Утром я занимался тем, что развешивал по стенам картины (точнее, пристраивал их как попало – я в этом деле не сильно разбираюсь). Да, за последние несколько лет я действительно увлекся собиранием произведений искусства, и если вы достаточно внимательно присмотритесь к моему собранию, то найдете там странного Бэнкси или даже двух. Я работаю над вторым вариантом очередного сценария. В бокале у меня свежая диетическая кола, а в кармане – непочатая пачка «Мальборо». Иногда этих вещей оказывается вполне достаточно.

Иногда.

Я постоянно возвращаюсь к единственному неоспоримому факту: я жив. С учетом всего, что со мной случилось, эти два слова звучат куда более удивительно, чем вы можете себе представить. Для меня эти слова имеют странный блеск – как камни, привезенные с далекой планеты. Никто не может в это поверить. Очень странно жить в таком мире, где твоя смерть всех потрясет, но никого не удивит.

Прежде всего, эти два слова – я жив – наполняют меня до краев чувством глубокой благодарности. Когда вы оказываетесь так же близко к небесам, как я, то у вас не остается выбора в отношении благодарности: она всегда должна быть наготове на вашем столе в гостиной, как книга, лежащая на журнальном столике. Вы едва замечаете ее, но она там есть! Вместе с тем, когда я смакую эту благодарность, скрытую где-то глубоко в слабом вкусе аниса или далеком эхе солодки в стакане диетической колы, когда я наполняю легкие дымом от каждой затяжки сигареты, ко мне возвращается мучительное ощущение агонии.

Не могу не задать себе главный вопрос: почему? Почему я выжил? Конечно, у меня есть предположение, но оно еще окончательно не сформировалось. Я знаю, что ответ находится близко к словам «для того, чтобы помогать людям», но я не знаю, как именно это осуществить. Бесспорно, самое лучшее во мне – это вот что: если ко мне подойдет такой же алкоголик, как я, и спросит, могу ли я помочь ему бросить пить, то я смогу сказать «да» и на самом деле попытаюсь что-то для этого сделать. Я смогу помочь отчаявшемуся человеку избавиться от вредной привычки. Наверное, где-то близко к этому лежит и ответ на вопрос «Для чего я живу?». Я верю в то, что ответ где-то рядом. В конце концов, это единственное, что я понял в жизни, и мне это приятно. А еще для меня неоспоримо, что в этом проявляется Господь Бог.

Но, понимаете, когда я чувствую, что мне чего-то не хватает, я не могу дать четкий ответ на вопрос «почему?». Нельзя отдать то, чего у тебя нет. И меня все время посещают назойливые мысли: «Я делаю мало, слишком мало, мне нужно делать больше!» Такие мысли терзают меня постоянно. Мне нужна любовь, но я в нее не верю. Если я брошу свою роль, своего Чендлера, и покажу вам, кто я есть на самом деле, то вы можете заметить меня, но, что еще хуже, вы можете заметить меня и после этого бросить. А со мной так нельзя. Я этого не переживу. Больше не переживу. Превращусь в пылинку и исчезну.

⁴ Аспирационная пневмония (лат. *aspiratio* – «вдыхание») – воспаление легких, возникающее при вдыхании или пассивном попадании в легкие различных веществ в массивном объеме, чаще всего в практике – рвотных масс. – Прим. ред.

Да, я оставлю вас первым. Сочиню, что со мной что-то не так, поверю в это и уйду. Но такое не может произойти со всеми вами. И какой же здесь может быть общий знаменатель?

А ведь еще есть эти шрамы на животе. Есть эти разбитые любовные связи. Брошенная Рэйчел. (Да нет, не та! Настоящая Рэйчел. Рэйчел, бывшая девушка моей мечты.) Вот такие мысли преследуют меня, пока я мучаюсь от бессонницы в 4 часа утра в своем доме с видом на престижный жилой район Пасифик-Палисейдс. Мне пятьдесят два. И это не так уж и круто.

* * *

Долгое время я пытался найти обстоятельства или людей, которых можно было бы обвинить в создании того бардака, в котором я постоянно оказывался.

Вот смотрите. Я провел большую часть своей жизни в больницах. Пребывание в таких местах заставляет даже лучших из нас жалеть себя, и я тоже приложил немало усилий к тому, чтобы себя пожалеть. Каждый раз, оказываясь в больнице, я ловил себя на том, что вспоминаю всю прожитую жизнь, поворачивая так и эдак каждый ее момент, словно диковинную находку, обнаруженную в ходе археологических раскопок. Я пытался найти причину, по которой провел большую часть жизни среди трудностей и ощущения боли. Я всегда понимал, откуда исходит настоящая боль. (И я всегда знал, почему мне в такие моменты было физически больно. Ответ был прост: ну нельзя же столько пить, придурок!)

Поначалу я хотел обвинить в этом любящих меня и благонамеренных родителей... к тому же не только любящих и благонамеренных, но гипнотически обаятельных.

Давайте перенесемся в пятницу, 28 января 1966 года, в зал Лютеранского университета Ватерлоо в Онтарио.

Там проходит ежегодный конкурс «Мисс Снежная королева канадских университетов» (Miss Canadian University Snow Queen, Miss CUSQ). Конкурсантки оценивались по таким критериям, как «интеллект, участие в студенческой жизни, личные качества, а также красота». Эти канадцы ради того, чтобы провозгласить новую Мисс CUSQ, не пожалели никаких средств: после окончания конкурса должно было состояться «факельное шествие с платформами, оркестрами и участницами», а также «пикник на свежем воздухе и хоккейный матч».

В списке претендентов на эту награду под № 11 фигурирует некая Сюзанна Лэнгфорд – она представляла Университет Торонто. Ее соперницами выступали красавицы с такими прекрасными именами, как Рут Шейвер (shaver – плут, мошенник) из Британской Колумбии, Марта Куэйл (quail – «телка») из Оттавы и даже Хелен «Цыпочка» Фюрер из университета Макгилла (думаю, прозвище Chickie, Цыпочка, было добавлено для того, чтобы несколько смягчить фамилию Фюрер, которая всего лишь через двадцать лет после окончания Второй мировой войны звучала не самым лучшим образом).

Однако все эти молодые женщины не шли ни в какое сравнение с прекрасной мисс Лэнгфорд. В тот морозный январский вечер короновать пятую Мисс Снежную королеву канадских университетов помогла победительница прошлогоднего конкурса. Вместе с короной к новой Miss CUSQ перешли красная лента и большая ответственность: теперь уже мисс Лэнгфорд должна была передать свою корону в следующем году новой победительнице.

Конкурс 1967 года был таким же захватывающим. В том году после окончания мероприятия должен был состояться концерт с участием группы Serendipity Singers, канадского аналога известного ансамбля The Mamas & the Papas. Так уж получилось, что лидера канадской группы звали Джон Беннетт Перри. Группа Serendipity Singers представляла собой аномальное явление даже в 1960-е годы, которые были царством фолка. Дело в том, что их грандиознейший (и по сути единственный) хит Don't Let the Rain Come Down представлял собой перепевку английской детской песенки. Несмотря на это, композиция вышла на второе место в списке современных «взрослых» хитов, а в мае 1964 года достигла шестой позиции в хит-параде Billboard Hot

100. Тем, кому такое достижение кажется не особенно значимым, стоит посмотреть на вещи в обратной перспективе и учесть, что первые пять позиций в том хит-параде заняла небезызвестная группа The Beatles с хитами Can't Buy Me Love, Twist and Shout, She Loves You, I Want to Hold Your Hand и Please, Please Me.

Впрочем, все это не особенно волновало Джона Перри – он был действующим музыкантом, находился на гастролях и должен был зарабатывать себе на ужин. И что в таких условиях может быть лучше, чем выступить в Онтарио на гала-концерте в честь Мисс Снежной королевы канадских университетов? Так Джон и поступил: радостно напевая «А за скрюченной рекой в скрюченном домишке жили летом и зимой скрюченные мышки», он через микрофон беззастенчиво флиртовал со Сюзен Лэнгфорд, прошлогодней Снежной королевой канадских университетов. В то время они были двумя самыми обворожительными людьми на планете (достаточно посмотреть на идеально выточенные лица на их будущей свадебной фотографии). У них не было ни единого шанса поступить иначе. Когда двое так замечательно выглядят, всем становится ясно, что они просто созданы друг для друга.

После того как Джон закончил выступление, флирт перешел в танцы... Неизвестно, как бы дальше разворачивались события, если бы не сильнейшая и в буквальном смысле судьбоносная метель, которая поздно вечером обрушилась на Онтарио и не позволила музыкантам Serendipity Singers выбраться из города. И вот она, романтическая встреча: фолк-певец и королева полюбили друг друга в 1967 году в заснеженном канадском городке... Самый красивый мужчина на планете встретил самую красивую женщину на планете. Все, зрители довольные расходятся по домам.

Итак, Джон Перри остался на ночь в Онтарио, чему Сюзен Лэнгфорд очень обрадовалась... А примерно через год или два (тут в монтаже должна быть склейка) они вместе оказалась в Уильямстауне, штат Массачусетс, родном городе Джона. После этой встречи внутри женщины стали делиться и размножаться новые клетки. Вполне возможно, что в этом простом делении с самого начала что-то пошло не так... Никто не может знать наверняка. Все, что я знаю, – это то, что зависимость – это болезнь, и у меня не было никаких шансов ее избежать, как и у моих родителей – шанса не встретиться.

Итак, я родился 19 августа 1969 года, во вторник, в семье Джона Беннетта Перри, бывшего участника группы Serendipity Singers, и Сюзанны Мари Лэнгфорд, бывшей Мисс Снежной королевы канадских университетов. В ту ночь, когда я появился на свет, была сильная буря (а как же иначе?). Ожидая моего появления на свет, все играли в «Монополию» (ну а как иначе?). Я появился на нашей планете примерно через месяц после высадки человека на Луну и через день после окончания эпохального музыкального фестиваля в Вудстоке, то есть где-то посередине между космическим совершенством небесных сфер и всем тем дерьмом, которое скопилось на ферме Макса Ясгура⁵, где проходил Вудстокский фестиваль. А еще мое появление на свет лишило кого-то из игроков шанса построить отели на участке Бордуолк (это один из самых дорогих объектов в игре «Монополия»).

Я появился на свет с криком – и непрерывно кричал неделями. Я страдал от колик, то есть у меня с самого начала жизни были проблемы с желудком. Мои родители сходили с ума от того, сколько я плакал. А может, я того? Обеспокоенные родители потащили меня к врачу. Конечно, тогда шел 1969 год, просто доисторические времена по сравнению с сегодняшним днем, но... Я не знаю, насколько неразвитой должна быть цивилизация, чтобы люди не понимали, что давать фенобарбитал⁶ ребенку, который только два месяца назад появился на свет божий, –

⁵ Макс Ясгур – американский фермер, ставший известным как единственный владелец участка, согласившийся сдать его под проведение фестиваля Вудсток (с 15 по 18 августа 1969 года), – вопреки недовольству и активному противодействию своих соседей и местных властей. Макс Ясгур всячески помогал проведению фестиваля, невзирая даже на явные убытки своему хозяйству и выступил со знаменитым обращением к гостям шоу. – *Прим. ред.*

⁶ Фенобарбитал (также известен под торговой маркой «Люминал») – устаревшее противоэпилептическое психотропное

это, в лучшем случае, интересный подход к педиатрической медицине. Но в 1960-е годы не считалось чем-то из ряда вон выходящим, когда родители ребенка, страдающего от колик, давали ему большие дозы барбитуратов. Некоторые врачи старой закалки вообще не видели в этом ничего плохого (под «этим» я имею в виду прописывание большой дозы барбитурата новорожденному, который не перестанет плакать).

Хочу внести в этот вопрос полную ясность. Я НЕ виню в этом своих родителей. Когда ребенок все время плачет, с ним явно что-то не так. Вы обращаетесь к врачу, и он прописывает ему барбитураты. Этот врач не единственный, кто считает, что это хорошая идея. Более того, когда вы даете ребенку это лекарство, он перестает плакать, значит... В общем, это было другое время.

Итак, я лежал на руках у моей 21-летней матери, находившейся в состоянии стресса, и непрерывно орал, когда какой-то динозавр в белом халате, изредка отрывая взгляд от своего широкого дубового стола, бормотал своим зловонным ртом что-то типа «ну и родители сейчас пошли» и выписывал рецепт барбитурата, быстро вызывающего привыкание.

В общем, когда я шумел и чего-то требовал, мне давали таблетку. (Хм, что-то это сильно напоминает мне мое поведение двадцать лет спустя.)

Уже в зрелом возрасте мне рассказали, что на втором месяце своей жизни, в возрасте от тридцати до шестидесяти дней, я принимал фенобарбитал. Это важный период в развитии ребенка, особенно когда речь идет о сне (пятьдесят лет спустя я по-прежнему плохо сплю). Как только во мне оказывались барбитураты, я просто вырубался. Очевидно, последовательность событий была такова: я плакал, мне давали лекарство, наркотик начинал действовать, я быстро терял сознание. Характерно, что все это страшно смешило моего отца. Это не было проявлением жестокости; обкуренные младенцы действительно выглядят очень забавно. Есть мои детские фотографии в возрасте семи недель; на них видно, что я просто чертовски одурманен, что я киваю, как наркоман. Но чего вы хотите от ребенка, родившегося на следующий день после окончания Вудстока?

Я вообще оказался не тем милым улыбающимся ребенком, появления которого все так ждали. Я постоянно чего-то требовал, а получив, просто замолкал.

По иронии судьбы у меня на протяжении многих лет были очень странные отношения с барбитуратами. Наверное, вы удивитесь, узнав, что начиная с 2001 года я почти не употреблял алкоголь – ну, за исключением 60–70 мелких происшествий, которые за это время все-таки случались. Когда меня преследовали неудачи, а я хотел оставаться трезвым (а я всегда этого хотел), то мне давали лекарство, которое помогало преодолеть возникшие трудности. А знаете, что это было за лекарство? Вы угадали: фенобарбитал! Барбитураты успокаивали и тогда, когда я пытался вывести из организма все остальное дерьмо. Напомню, что я начал принимать их в возрасте тридцати дней. Став взрослым, я просто продолжил прием с того места, где остановился в прошлый раз. Я очень страдаю без этих препаратов и тогда, когда нахожусь на процедуре детоксикации. Мне жаль это говорить, но в такие минуты я – худший пациент в мире.

Детоксикация – это ад. Ты лежишь в постели, внимательно наблюдая за тянущимися секундами, и знаешь, что ни в одну из них ты и на шаг не приблизишься к тому, чтобы почувствовать себя хорошо. Во время детоксикации мне кажется, что я умираю. Я чувствую, что это никогда не закончится. Мои внутренности словно пытаются выползти из моего тела. Я дрожу и потею. Я похож на того ребенка, которому не дали таблетку, чтобы ему стало лучше. И тогда я решаю, что лучше побыть под кайфом четыре часа, зная, что затем пробуду семь дней в этом аду. (Я ведь говорил вам, что эта часть меня сумасшедшая, верно?) Иногда для того, чтобы разорвать порочный круг, мне приходится сидеть взаперти по несколько месяцев.

Когда я нахожусь на детоксикации, то понятие «хорошо» кажется мне далеким воспоминанием или словом, написанным на поздравительной открытке от компании Hallmark. Я, как ребенок, канючу любые лекарства, которые помогут облегчить мое состояние. Я – взрослый мужчина, который, вероятно, прекрасно выглядит на обложке журнала People и в то же самое время молит о помощи. Я бы отдал все – все мои машины, дома, деньги, – только бы это прекратилось. И когда детоксикация наконец завершается, ты купаешься в облегчении и клянешься адом и раем, что больше никогда, никогда не будешь подвергать себя такой экзекуции. Клянешься до тех пор, пока через три недели снова не окажешься в том же положении.

Это безумие. Я – безумец.

И, как младенец, я не хочу заниматься никакой работой над собой. Зачем, если таблетка вылечит? Ну, так легче жить, меня так учили.

* * *

Примерно на девятом месяце моей жизни родители решили, что сыты друг другом по горло, положили меня в Уильямстауне на заднее сиденье машины, и мы втроем за пять с половиной часов доехали до канадской границы. Представляю себе тишину, которая стояла во время этой поездки. Я почему-то молчал, а двум бывшим влюбленным голубкам на переднем сиденье уже давно надоело разговаривать друг с другом. Наверное, это была оглушительная тишина, потому что происходило нечто серьезное. Мой дедушка по материнской линии, профессиональный военный Уоррен Лэнгфорд, ждал нас на границе на фоне далекого гула Ниагарского водопада. Он ходил взад-вперед, время от времени топая ногами – для того чтобы согреться, или от отчаяния, или по обоим этим причинам. Когда мы остановились, он помахал нам рукой, как будто мы собирались отправиться на какой-то веселый праздник. Наверное, я бы с удовольствием с ним поговорил, но отец молча вытащил меня из автокресла, передал на руки дедушке – и в этот момент тихо бросил меня и мою мать.

Затем мама наконец тоже вышла из машины. Я, мама и дедушка некоторое время стояли и слушали, как вода несется над водопадом и с ревом падает в Ниагарское ущелье, а потом смотрели, как мой отец уезжает прочь – навсегда.

Мне кажется, после всего случившегося мы все-таки не собирались жить все вместе «в скрюченном домишке». Думаю, тогда мне было сказано, что папа скоро вернется.

– Не волнуйся, Мэттью, – говорила, наверное, мама, – он просто собирается немного поработать. Он вернется.

– Пойдем, приятель, – сказал, наверное, дедушка, – пойдем искать няню. Она будет готовить на ужин твои любимые «камароны».

Все родители утром уходят на работу, а вечером всегда возвращаются. Это нормальный ход вещей. Не о чем беспокоиться. Нет ничего, что могло бы вызвать приступ колик, или зависимость, или ощущение брошенности, оставшееся на всю жизнь, или чувство того, что мне чего-то не хватает, или постоянный недостаток ласки, или отчаянную потребность в любви, или что-то такое, чему я так и не смог подобрать названия.

Итак, отец уехал – умчался бог знает куда. Он не вернулся с работы ни в первый день, ни во второй. Я надеялся, что он будет дома через три дня, потом надеялся, что, может быть, через неделю, потом – может быть, через месяц, но где-то через шесть недель я вообще перестал на что-то надеяться. Я был слишком юн, чтобы понимать, где находится Калифорния или что значит «следовать своей мечте стать актером». Что такое, черт возьми, «актер»? И где, черт возьми, мой папа?

А мой папа, который позднее стал замечательным отцом, оставлял своего ребенка 21-летней женщине, которая, как он хорошо знал, была еще слишком юна для того, чтобы воспитывать малыша в одиночку. Моя мать – замечательная, тонко чувствующая женщина, но

тогда она была слишком молода. И ее, как и меня, тоже бросили прямо там, на автостоянке у пограничного перехода между США и Канадой. Моя мать забеременела мной, когда ей было двадцать лет, и к тому времени, когда ей исполнился двадцать один год, она уже была молодой матерью – и матерью-одиночкой. (Интересно, если бы у меня в двадцать один год появился ребенок, стал бы я его спаивать?) Она старалась изо всех сил, и это многое о ней говорит, но все же моя мама просто оказалась не готова к такой ответственности, а я не был готов ни к чему, потому что только что родился.

Таким образом, отец бросил нас с мамой еще до того, как мы толком познакомились друг с другом.

* * *

Когда отец от нас ушел, я быстро понял, какую роль мне нужно играть дома. Моя работа состояла в том, чтобы развлекать, умасливать, восхищать, смешить других, успокаивать, угождать – в общем, быть шутком перед всем королевским двором.

Эту роль я играл даже после того, как потерял часть своего тела. Собственно говоря, тогда я и стал ее играть.

Фенobarбитал исчез из моей жизни, как исчезло воспоминание о том, как выглядит лицо моего отца. Я на полной скорости ворвался в свое детство и вскоре научился быть в нем управляющим.

Однажды в детском саду какой-то тупоголовый ребенок с размаху придавил мне руку дверью. После того как у меня из глаз перестали сыпаться кроваво-красные искры, кто-то додумался сделать перевязку и отвезти в меня в больницу. Там стало ясно, что я потерял кончик среднего пальца. Позвонили маме; по понятным причинам она приехала в больницу вся в слезах. Я встретил ее, стоя на больничной каталке с гигантской повязкой на руке, и прежде, чем она успела что-то сказать, влез со своей репликой: «Тебе нельзя плакать – я ведь не плакал!»

Уже тогда в этом был весь я: исполнитель, развлекающий публику. (И кто знает, может быть, я и Чендлера Бинга сыграл только потому, что придерживался этой линии поведения?) Уже в три года я понял, что должен быть хозяином дома. Мне пришлось заботиться о матери, хотя мне только что отрезали палец. Наверное, еще в возрасте тридцати дней я усвоил, что если я зареву, то меня отправят в отключку, так что мне лучше не плакать. А еще я понял, что всегда должен лично убеждаться в том, что все, и прежде всего моя мама, чувствуют себя в безопасности и находятся в полном порядке. Так или иначе, моя первая реплика оказалась чертовски хороша для карапуза, который стоял на каталке в полный рост, словно большой босс.

С той поры не так уж много изменилось. Если вы дадите мне весь оксиконтин⁷, который я смогу выдержать, то я почувствую заботу, а когда обо мне заботятся, я смогу позаботиться обо всех остальных, выглянуть наружу и сослужить кому-то хорошую службу. Но без лекарств я чувствую, что просто растворяюсь в море небытия. Сие, конечно, означает, что я практически не могу быть полезным вообще, и в частности полезным в отношениях, потому что я живу так, что просто пытаюсь доползти до следующей минуты, следующего часа, следующего дня. Это болезнь страха, лакрица неадекватности. Капля одного наркотика, капля другого – и я уже в полном «порядке». А когда ты накачан «этим», то вообще ничего не чувствуешь.

В старые добрые времена, то есть до 11 сентября 2001 года, детям, а также любопытствующим взрослым иногда разрешали заглядывать в кабину самолета. Я впервые оказался в такой кабине, когда мне было около девяти лет. Меня так потрясли все эти многочисленные кнопки, внушительный вид командира корабля и вообще весь поток информации, который на меня обрушился, что я в первый раз за шесть лет забыл засунуть в карман руку с изуродованным

⁷ Оксикодон – обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид, получаемый из тебаина. – *Прим. ред.*

пальцем. До этого я ее никогда и никому не показывал, настолько мне было стыдно. Пилот заметил мое смущение и попросил меня показать руку. Сгорая от стыда, я вынул руку из кармана, после чего он сказал: «Вот, посмотри». Оказывается, у него не было точно такой же части среднего пальца на правой руке.

Да, у этого замечательного человека, у командира корабля, который знает, для чего нужны все эти кнопки, который понимает все, что происходит в кабине, – и у него тоже не хватает части пальца! С того дня и до настоящего времени – а мне уже пятьдесят два годика – я больше никогда не прятал свою руку. На самом деле из-за того, что я много лет курил, люди часто замечали мой палец и спрашивали, что случилось.

А еще из-за случая с дверью я получил возможность шутить на тему о том, что уже много лет я не могу никому показать средний палец, и поэтому мне приходится подавать команду голосом: «Да пошли вы на...»

* * *

У меня могло не быть отца или всех десяти пальцев, но зато у меня с самого начала был острый ум и острый язык. Добавьте сюда мою мать, которая всегда была очень занятой и очень важной персоной и которая также обладала острым умом и острым языком. Правда, были времена, когда я с удовольствием отчитывал маму за то, что она уделяет мне недостаточно внимания, и, скажем так, поступал я не очень хорошо. Здесь важно отметить, что мне вообще никогда не удавалось заполучить его в достаточном количестве – что бы она ни делала, мне никогда не хватало ее внимания. Правда, давайте не будем забывать, что она работала за двоих, в то время как мой старший добрый папочка был занят в Лос-Анджелесе борьбой со своими демонами и желаниями.

Сюзанна Перри (по требованиям профессии мама сохранила за собой отцовскую фамилию), по сути дела, представляла собой героиню Эллисон Дженни из сериала «Западное крыло» – она работала новостным менеджером. Некоторое время мама работала пресс-секретарем Пьера Трюдо, который тогда был премьер-министром Канады и главным канадским бонвиваном. (Одно из их совместных фото, опубликованное в газете Toronto Star, было подписано так: «Пресс-секретарь Сюзанна Перри работает на премьер-министра Пьера Трюдо, одного из самых известных мужчин Канады, но рядом с ним и сама быстро становится знаменитостью».) Представьте себе: вы стали знаменитостью просто потому, что постояли рядом с Пьером Трюдо! Премьер-министр был исключительно учтивым и обходительным человеком с вкрадчивыми манерами и, скажем так, обширными социальными связями: он в разное время встречался с Барброй Стрейзанд, Ким Кэтролл и своим послом в Вашингтоне Марго Киддер. Однажды Трюдо пригласил на ужин не одну, а сразу трех своих подруг, мотивируя это тем, что мужчине, столь влюбленному в женщин, приходится много вертеться. Таким образом, мама много времени проводила на работе, так что мне приходилось соперничать в борьбе за ее внимание со всей крупной западной демократией и ее харизматичным лидером-меченосцем. (Наверное, в то время ко мне лучше всего подходило определение «ребенок с ключом на веревочке» – был такой мягкий аналог слова «беспризорник».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.